

Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности)

© А. Б. Зильберт, 2001

Нам уже приходилось писать, что спортивная коммуникация охватывает огромную сферу человеческой деятельности, включающую социально-экономическую, общественно-политическую, финансовую деятельность, социально-философские, исторические, психолого-педагогические, медико-биологические проблемы [7; 10]. Понятно, что при исследовании целостной картины спортивного дискурса (далее СД) необходимо рассмотреть его связи и точки пересечения с другими видами дискурса в синхронном плане (иначе это называют интертекстуальностью дискурса).

1. Научный дискурс пересекается со СД в сфере научной литературы по проблемам спорта и физической культуры: биомеханика, физиология спорта, проблемы технической и психологической подготовки спортсменов, история спортивно-физкультурного движения и др. Жанры научной прозы: статьи в периодике и тематических сборниках, монографии, диссертации, устные выступления на научных собраниях. Все эти письменные и устные тексты спортивной тематики полностью укладываются в характеристики институционального научного дискурса, прекрасно представленные в одной из работ В. И. Карасика [9]. Например, данные тексты содержат такие признаки научного типа институционального дискурса: целью общения является процесс вывода нового знания, отстаивание своей точки зрения, в процессе познания в форме полемики как конституционного признака научного дискурса. В одной из последних работ подчеркнуты не дискурсивные признаки наших научных текстов (участники и обстоятельства общения), а текстуальные особенности, вытекающие из специфики языковых единиц – логичность изложения, предельная абстрактизация предмета речи [1].

В то же время в указанных текстах отсутствуют признаки спортивного типа институционального дискурса, а именно: агональность (сопоставительность, наличие противника, борьба соперников, этика поединка, регламент и правила соревнований и т. д.). Тем не менее, “спортивную группу” научных текстов, на наш взгляд, условно можно причислить к проективным текстам на пересечении научного и спортивного дискурсов. Условно потому, что проекцией СД являются в них не дискурсивные, а чисто лингвистические особенности – специальная (терминологическая)

гическая, полутерминологическая и отчасти жаргонная) лексика и фразеология спорта, как-то: общие понятия спортивно-физкультурной сферы, названия видов и подвигов спорта, видов соревнований, спортивных сооружений и снарядов, единиц учета результатов соревнований, видов наград, номинации спортсменов, судей, тренеров, специалистов по спорту и т. д.

2. Педагогический дискурс в его “спортивных проекциях” представлен учебными и учебно-методическими текстами для студентов учебных заведений спортивного профиля, спортивных педагогов и психологов, то есть всех, занятых в сфере спортивного образования.

Эти тексты содержат все базовые черты институционального педагогического дискурса, а именно: цель, ценности, коммуникативные стратегии (объясняющая, оценивающая, контролирующая, содействующая, организующая). Указанные стратегии создают системообразующее движение к цели педагогического дискурса – социализации нового члена общества путем объяснения устройства мира, организации деятельности, приобщения к ценностям и видам поведения, ожидаемым от ученика, проверки понимания и усвоения информации и оценки результатов. Выбор той или иной стратегии зависит от различия коммуникативных интенций автора конкретного текста [8: 3-18].

Проективные признаки СД здесь те же, что и в текстах первой научной группы, описанных выше, – наличие специальной спортивной лексики и фразеологии (их называют иногда “подязык спорта”, но нельзя относить их к так называемым “дискурсивным формулам” СД).

С точки зрения функциональной стилистики тексты первой и второй группы относят к одному научному стилю в разных его видах: собственно научному (академическому) – тексты первой группы, или научно-учебному – тексты второй группы [1]. Типообразующих признаков институционального СД тексты второй группы также не содержат.

Итак, научный и педагогический дискурсы, пересекающиеся с СД, не содержат каких-либо “систем ценностей, которые кристаллизуются в виде особых идеологий” [5: 5], характерных именно для спорта как социального института. “Подязык” спорта явно “не тянет” на дискурсивность, тем более на институциональность, то есть на специфически спортивную статусную ориентированность общения.

3. С официально-деловым и юридическим дискурсом СД пересекается в большой группе письменных спортивно-нормативных текстов: правила соревнований (для каждого вида спорта свои), сборники нормативов (или нормативных актов) для присвоения официальных спортивных разрядов и званий (мастер спорта, мастер спорта международного класса, заслуженный мастер спорта), получения значков ГТО (“готов к труду и обороне”) и т. п. в системе “Единой спортивной классифика-

ции”. Правда, в посттоталитарной России указанная система подвергалась значительным изменениям.

Жанрово-стилистические черты этих текстов характеризуют их как типичные образцы письменной речи делового и юридического дискурсов. Основная их функция – сообщение. Доминанта – точность, не допускающая истолкований. Отсюда предельная стандартизованность и безэмоциональность.

Отнесение подобных текстов к СД вполне можно обосновать так же, как это сделано нами для текстов первой и второй групп (см. выше).

Сделаем промежуточный вывод после рассмотрения трех групп текстов. Вследствие прозрачности границ СД происходит наложение характеристик разных видов дискурса в одном тексте – спортивного и научного, спортивного и педагогического, делового/юридического и спортивного – в зависимости от вида интенциональности и сфер общения.

4. С политическим дискурсом СД (точнее, спортивно-игровой дискурс), сближает момент агональности (состязательности). Основу политического дискурса составляет непрекращающийся диалог-поединок между “партией власти” и оппозицией, в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление. Не случайно метафоры игры, спорта и боевых действий занимают важное место в корпусе политических метафор [4; 12] (выделено нами. – А. З.). Война как известно, есть продолжение политики другими средствами. Поэтому, логически продолжая мысль Е. И. Шейгал, можно говорить о существовании в нашем сознании единого когнитивного пространства, объединяющего многие черты спортивного, политического и военного дискурсов. Общее когнитивное поле этих трех дискурсов вполне может включать такие элементы: наличие противника, борьба соперников, этика поединка, правовые нормы (регламент и правила), стратегия и тактика борьбы, победа, поражение, триумф победителя, приз / выигрыш / боевые награды (ср. [12: 32]).

Речь футбольных комментаторов во время прямых трансляций футбольных матчей по ТВ до предела насыщена военной метафорикой, вообще разной военной лексикой и фразеологией: атака, оборона, тактика и стратегия игры / матча, новое тактическое оружие тренера, тяжелой штурм ворот, пушечный удар, противник; “Спартак” решил в этой игре дать генеральное сражение” (А. Елагин, REN-TV); “броневой щит “Локомотива” оказался непробиваемым только для российских форвардов” (он же, октябрь 2000 г.); “румыны, даже оставшись вдесятером, бились как легендарные даки, до последнего” (он же, 21.01.2001) и т. д. и т. п.

Не забудем также, что некоторые популярные виды спорта – фехтование, стрельба, стрельба из лука, борьба, бокс, восточные “боевые искусства” — напрямую возникли из военной практики в истории народов разных времен.

Состязательность политического дискурса наиболее очевидна во время предвыборных кампаний и парламентских дебатов. И. Хейзинга сравнивает парламентские дебаты в Англии с “бесперывным матчем, в котором определенные матадоры пытаются объявить друг другу шах и мат, не нанося при этом ущерба интересам страны, в которой они служат с полной серьезностью” [11: 233]. О партиях США тот же автор пишет: “... двухпартийная система в Соединенных штатах приняла характер двух спортивных команд, чье политическое различие для постороннего едва ли уловимо” [11: 234].

СД однако отличен от политического и тем более военного дискурсов функциональной стороной. Из трех рассматриваемых дискурсов только СД имеет гедонистические (рекреативные) функции и функции эстетического воздействия. Последние особенно важны для ТВ-дискурса, где сам способ передачи спортивной информации вызывает чувство удовольствия, а специальные приемы монтажа, укрупнения планов, замедленного повтора самых важных и интересных моментов спортивного соревнования (что невозможно при восприятии спортивного состязания на самом стадионе, в реальном хронотопе) делают спортивную коммуникацию культурологически и эстетически значимым фактом.

5. Одним из двух основных видов неинституциональной, персональной коммуникации является бытовой дискурс (подробно с бытовым и бытийным общении как двух разновидностях персонального дискурса см. [9: 5-20]). Часто именно в бытовом дискурсе тематическое содержание общения относится к сфере спорта. Для бытового дискурса типично фатическое, а не информационное общение, возникающее или между людьми близкой социальной дистанции, или в ситуации вынужденного совместного пребывания (тогда социальная дистанция не важна). Н. Д. Арутюнова квалифицирует праздноречевую деятельность, не имеющую непосредственной цели и соответствующую разным вариантам фатической коммуникации как свободное и непринужденное общение людей. Она выделяет три разновидности праздноречевого общения: эмоциональное, артистическое и интеллектуальное [2]. Спорт выступает в качестве одной из основных тем как эмоционального, так и интеллектуального праздноречевого общения, в процессе которого участники коммуникации обмениваются информацией, комментируют или оценивают эту информацию, вообще совершенствуют свое умение ори-

ентироваться в спортивной жизни и предвидеть ход спортивных событий.

При этом фатическое общение трансформируется в информационное. Если участники коммуникации оказываются болельщиками разных команд или разных спортсменов в индивидуальных видах спорта, то дружеская беседа – спор может перерасти в конфликтную ситуацию.

6. Совершенно особую роль, исключительно важную для СД, играет фактор масс-медиа. Многие институциональные характеристики масс-медиа, влияющие на СД, для которого каналы массовой коммуникации являются основными каналами его распространения, нами были описаны [6]. В данной статье рассмотрим только один, но очень важный фактор сращенного институционального дискурса спорта и массовой информации: статусные характеристики основной пары участников институционального общения – агента и клиента (в терминах дискурсивной социолингвистики). Диада “агент-клиент”, удобная для описания участников других видов институционального дискурса (например, педагогического, религиозного, медицинского, юридического, административного, торгового и прочих профессионально-организованных дискурсов), в СД масс-медиа нуждается в значительной модификации.

В упомянутых дискурсах типичной является коммуникация между “клиентом” как отдельным гражданином (пациент, прихожанин, ученик, покупатель, проситель) и “агентом” как представителем института (врач, священник, педагог, продавец, госчиновник), носящая двуправленный, хотя и разностатусный характер. В СД масс-медиа “агентом” выступает представитель института массовой информации (газеты, радио, ТВ), журналист, являющийся в то же время посредником между институтом спорта (в рамках которого происходят все спортивные события) и массовой анонимной рассредоточенной аудиторией “клиентов”. Коммуникация носит односторонний характер, выраженная обратная связь отсутствует. Такая коммуникация называется ретиальной (от лат. RETE – сеть, невод) Кроме того, на ТВ (в меньшей степени на радио) преобладает не линейный, а структурный способ представления информации, называемый в общей теории информации “фенестративным” (от лат. fenestra — окно), когда одновременно передаются зрительный ряд, звучащий вербальный текст, музыка и т. д., то есть знаки разной семиотической природы.

Далее, на ТВ (в меньшей степени на радио) существуют некоторые дискурсивные статусные различия “агентов”, обусловленные: а) различием между прямыми трансляциями спортивных соревнований (так называемые “неподготовленные” передачи) и информацией об уже прошедших спортивных событиях (так называемые “подготовленные” передачи, например, спортивные блоки в программах “Вести, “Новости,

“Сегодня” и т. п.); б) степенью вклада автора-журналиста в передаваемую по каналам масс-медиа информацию.

а) Во время “прямого эфира” и интенция журналиста, и непредсказуемость хода спортивных событий способствуют приобретению адресантом статуса как бы реального участника профессионального микромира спортивного события, видящего эти события изнутри. Приобретая условный статус представителя института спорта, журналист остается при этом представителем института масс-медиа.

В новостных программах их текст заранее обдумывается и иногда даже записывается. События, о которых рассказывает журналист, уже состоялись, автор работает в другом хронотопе. И здесь мы встречаемся с парадоксом масс-медиа. Именно в жестких рамках ретинальной коммуникации, связанный позицией органа масс-медиа, где он работает, журналист выступает как личность со всеми особенностями своего менталитета, причем в структуре его целей усиливается стремление к самовыражению. Происходит так называемая авторизация СД в масс-медиа, то есть совмещение ролей создателя текста, того, кто его произносит, и того, чья позиция выражена в высказывании (в терминологии Е. Гофмана, ролей автора, аниматора и принципала – см. об этом [3: 26]).

Авторизация дискурса имеет место и в прямом эфире СД в те моменты трансляции, когда активный ход событий по тем или иным причинам сменяется спокойным ходом игры или даже ее остановкой на время. Автор получает время для пространного комментария, для сообщения заранее заготовленной в форме досье на участников матча информацией оценочного характера.

Но остальное время прямой трансляции зритель полностью поглощен интригой соревнований, он сам все видит и сам эмоционально оценивает происходящее, словесный текст журналиста часто вообще находится на далекой периферии зрительского внимания, так что здесь самовыражение комментатора работало бы вхолостую.

Возвращаясь к “подготовленным” передачам, констатируем обратное: зрительный ряд (если он вообще в данный момент присутствует, кроме “говорящей головы”) только сопровождает звуковой. Ясно, что самовыражение “агента” в таких случаях намного более эффективно для аудитории. Однако даже здесь автор обязан учесть фенестративный способ представления информации и строго следить, чтобы содержание “картинки” синхронно соответствовало его, автора вербальному тексту.

Уместно заметить здесь, что на радио и ТВ есть важное, хотя и косвенное свидетельство осознания особости СД в рамках масс-медийной коммуникации. Спортивные тематические блоки любых информационных программ на всех каналах даются отдельно после рекламных вставок и сопровождаются сменой ведущих, которые у СД всегда свои.

Кстати, даже в те далекие времена, когда было всего две программы Всесоюзного радио (первая и “Маяк”) и всего одна программа Центрального телевидения, спортивный дискурс уже выделялся среди других: спортивная редакция была единой для радио и ТВ, тогда как все остальные редакции были строго разделены по каналам.

б) Определим статус спортивных журналистов в сфере масс-медиа как статус ретранслятора спортивной информации; назовем его медиа-тором. От простого ретранслятора медиатор отличается тем, что часто получает информацию косвенным путем и, что особенно важно, в любую коммуникацию вносит свой собственный вклад, являясь как бы “соавтором транслируемого события”.

Степень такого “соавторства” определяет разные функциональные роли журналиста-медиатора (номинации некоторых ролей придумала Е. И. Шейгал при исследовании политического дискурса, вкладывая в них несколько иное содержание – см. [12: 62]):

1) рассказчик – Уже состоявшееся спортивное событие или факт даются в пересказе (см. описанные выше новостные спортивные блоки).

2) конференсье – Представляет участника программы (тренера, спортсмена, спортивного специалиста, болельщика, который может быть одновременно и кем-либо из трех предыдущих) и тему, по которой тот будет выступать. Далее в дискурсе сам не участвует. Такие вставки, представляющие точку зрения говорящих, могут быть как в составе “подготовленных”, так и прямых передач.

3) интервьюер – Не только представляет “агентов” как конференсье, но и контролирует и направляет ход коммуникации путем выбора вопросов, иногда открыто выражает свою точку зрения.

4) комментатор – Наиболее близок роли самостоятельного “агента” сращенного дискурса спорта / масс-медиа. Прежде всего выражает свою точку зрения, пересказывает реплики участников – представителей мира спорта, обобщает информацию, соединяет разностатусные и разножанровые дискурсы в единую программу, пронизанную единой темой и идеей. В качестве примера назову Виктора Гусева (важность его авторизации подчеркнута в названии передачи ОРТ “На футболе с Виктором Гусевым”) и Савика Шустера (передача “Третий тайм” на канале НТВ).

В рамках одной передачи СД радио и ТВ журналист-медиатор либо может выступать только в одной из четырех указанных выше функциональных ролей, либо менять свои функциональные ипостаси в течение передачи. Так, прямые репортажи-трансляции по форме дискурса подразумевают частую смену ролей рассказчика или комментатора, от чего зависит степень авторизации общения (см. выше в разделе “а”). В практике телевидения США в таких “прямых эфирах” дискурсивные роли рассказчика и комментатора распределены заранее между двумя разны-

ми ведущими. У нас другие традиции: кроме основного ведущего, находящегося в специально оборудованной кабине на трибунах, около поля и в подтрибунных помещениях работают его помощники в ролях конференсье и интервьюеров. Подготовленные ими фрагменты включаются режиссером трансляции по мере возможности и необходимости в дискурс основного рассказчика / комментатора.

7. Наконец, нельзя не сказать еще об одном аспекте итертекстуальности СД – его пересечении с театрально-сценическим дискурсом.

Театральность СД связана, возможно, с тем, что один из участников общения – “клиент”, массовая аудитория (читатели, слушатели, зрители) ощущает себя не только в роли адресата, но и в роли наблюдателя, который воспринимает спортивные события как некий разыгрываемый для него спектакль с захватывающим сюжетом и непредсказуемым финалом ([12:66]).

Однако главной причиной театральности СД является, как мы полагаем, само содержание спортивного действия, его игровой характер.

Дадим слово реальным “агентам” спортивного и театрального дискурсов, которые продемонстрируют нам только некоторые из существующих параллелей между спортивной и театральной коммуникацией, некоторые примеры театральной метафоричности в СД.

Йозеф Блаттер (Швейцария), президент ФИФА: “Футбол – это игра, это шоу. И здесь, как в театре, всегда есть место мистификации” (ОРТ, программа “Парижские таймы, июль”, 1998)

Джованни Бранкини (Италия), агент ФИФА: “Футбол – самое популярное и самое продаваемое зрелище в мире. В Италии футболисты уже давно более известны, чем поп-звезды и киноактеры” (НТВ, “Футбольный клуб”, июль 2000г.).

Котэ Махарадзе (Грузия), профессиональный актер, профессиональный спортивный комментатор: “Как на хороший спектакль, на хороший футбол зритель идет...” (НТВ, “Третий тайм”, май, 2001 г.).

Александр Елагин, спортивный журналист: “В потрясающей по драматизму голевой спектакль вылился матч на стадионе “Уэмбли”; о матче английской премьер-лиги: “... сюжет которого как будто был написан голливудским сценаристом, специализирующимся на триллерах” (REN-TV, апрель 2001 г.).

Юрий Розанов, футбольный комментатор НТВ+: “Судья вместо желтой карточки Тихонову сам исполняет цирковой номер” (НТВ, 17.07.2000).

Цитаты из репортажа В.Квилквидзе на канале РТР о финальном матче Кубка России по футболу 20.06.2001 г.: “... скромный бенефис Джанашиа”, “сегодня на одной технике, как говорят, “на балете”, клас-

ным футболистом не станешь”, “ну уж очень театрально падал игрок”, заглавные партии сыграли футболисты А. и Б.”.

Виктор Гусев, ОРТ: “Театр начинается с вешалки. С чего начинается футбольная база?” (“Время футбола”, июнь 2000 г.)

Интересные для нас факты приведены в документальном телефильме Евгения Киселева о футбольном клубе “Спартак” (Москва). Заслуженный мастер спорта СССР Андрей Старостин как-то пригласил своих друзей, артистов, на матч “Спартак”. Однако тренер не поставил его на игру. После матча Марк Бернес сказал огорченному Старостину: “Это как у нас в кино, когда пробы не проходишь. Ты свое еще сыграешь”. Народный артист СССР Игорь Ильинский в фильме сравнивает подготовку футболистов к матчу с вхождением в образ. Известный болельщик “Спартак” Михаил Яншин, тоже народный артист СССР: “Я хожу на футбол, как все вы ходите в театр”.

Думается, что лучшим заключением этого раздела статьи могут стать слова известного актера театра “Современник” и не менее известного тележурналиста (ведущего программы “Жди меня” на ОРТ) Игоря Кваши. Они прозвучали в передаче “На футболе с Виктором Гусевым” 16.07.2001 г. и были оценены самим В. Гусевым как “прекрасный артистический эмоциональный эпиграф к рассказу о футболе: “...играет не за деньги...это ерунда..., что вот там больше платят, поэтому они там хорошо играют... это ерунда. Это я знаю вот по актерам, и по игрокам, психология близкая в этом смысле, потому что когда человек выходит на поле, он все равно хочет прыгнуть выше головы, если он Игрок” (выделено нами. – А. З.).

Подведем итоги. В состав СД мы включаем как институциональные, так и персональные (бытовые) формы общения. Институциональность СД носит градуальный характер. Для отнесения дискурса к спортивному в любом виде общения из трех элементов коммуникации – субъекта, адресата, содержания общения – достаточно спортивного содержания (это относится, прежде всего к сфере масс-медиа). Если субъект и адресат относятся к институту спорта, но содержание дискурса не имеет к спорту никакого отношения, дискурс не может быть призван спортивным.

Степень интертекстуальности СД оказывается очень значительной. Мы проследили сферы его соприкосновения и пересечения с научным, педагогическим, деловым, юридическим, политическим, военным, театрально-сценическим институциональными дискурсами и бытовым персональным дискурсом. Дискурс масс-медиа фактически срастился со спортивным дискурсом в рамках материалов спортивного содержания. Каналы массовой коммуникации и, в первую очередь, телевидение, зафиксировавшее спорт в качестве самостоятельного, самоценного пла-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 19. — 164 с. ISBN 5-317-00302-4

ста нашего бытия и культуры, являются в наше время основными каналами осуществления спортивного дискурсивного общения.

Л и т е р а т у р а

1. *Аликаев Р. С.* Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик, 1999.
2. *Арутюнова Н. Д.* Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С.7-23.
3. *Баранов А. Н., Казакевич Е. Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.
4. *Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Русская политическая метафора: материалы к словарю. М., 1991.
5. *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика. Пер. с немецкого. Волгоград, 1997.
6. *Зильберт А. Б.* Существует ли спортивный дискурс? // Материалы IX страховых чтений. Саратов, 2000. С.195-201.
7. *Зильберт А. Б., Зильберт Б. А.* Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып.17. М., 2001.
8. *Карасик В. И.* Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград, 1999. С. 3-18.
9. *Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5-20.
10. *Физкультура и спорт в современных условиях: состояние, тенденции, перспективы.* Омск, 2000.
11. *Хёйзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. Пер. с нидерл. М., 1992.
12. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М.-Волгоград, 2000.